

Андрей Мясников

*Если ты мыслишь
здорово —
политика уже
с тобой*

Современная практическая философия

Андрей Мясников

**Если ты мыслишь
здорово – политика уже
с тобой. Современная
практическая философия**

«Издательские решения»

Мясников А. Г.

Если ты мыслишь здраво – политика уже с тобой. Современная практическая философия / А. Г. Мясников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830993-9

В новой книге представлены рассуждения по актуальным темам современной практической философии. Автор считает, что главной задачей современной философии является рационально-критический анализ политической сферы. Политика составляет «фундамент» современных общественных отношений в России и является основной проблемой, так как россияне ещё не научились ею заниматься и по старой привычке полагают, что от них ничего не зависит. Книга рекомендуется несвободным людям.

ISBN 978-5-44-830993-9

© Мясников А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Русская классическая литература как нравственно-политическая философия	8
§1.1. Ода «Вольность» Александра Радищева и её современная философская реконструкция	9
§1.2. Современный философский анализ сказки Александра Пушкина «О попе и работнике его Балде»	13
§1.3. О нравственно-политическом завещании М. Ю. Лермонтова. Современная философская реконструкция стихотворения «Родина»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Если ты мыслишь здраво –
политика уже с тобой**
Современная практическая философия
Андрей Геннадьевич Мясников

© Андрей Геннадьевич Мясников, 2016

ISBN 978-5-4483-0993-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сначала я хотел назвать эту книгу *«Если ты мыслишь здраво – ты уже в политике»*, но потом передумал, и решил, что более точным будем другое название – *«Если ты мыслишь здраво – политика уже с тобой»*. Дело в том, что многие наши сограждане до сих пор считают, что они вне политики, что «политика – это грязное дело», и лучше держаться от неё подальше. Такая точка зрения даёт некоторое успокоение, но лишь на короткое время, потому что здравомыслящий человек всегда будет интересен для «политики», т.е. для власти, даже если он не хочет проявлять своей позиции. Ведь *само здравомыслие глубоко политично*, особенно в обществах, которые только вступают на путь демократических преобразований, и наличие собственного осмысленного мнения является вызовом традиционному порядку господства и подчинения.

В начале 21 века здравомыслие становится необходимым условием противодействия современным одурманивающим технологиям и информационным вирусам, формирующим некритичное, фрагментарное и противоречивое мировоззрение, удобное для разных манипуляций.

Современная практическая философия должна стоять на страже здравомыслия как спасительного маяка в бушующем море информационных манипуляций.

Претендую ли я на абсолютную истину? Конечно, нет. Но считаю себя вправе высказать то, что знаю, что считаю достоверным и правильным на сегодняшний день. Ведь совершенно не доверять своему разуму – просто глупо.

В этой книге собраны мои тексты, написанные после 2011 года, после скандальных выборов в Государственную Думу, и мне хочется надеяться, что пережитый опыт позволит нашей власти и обществу повзрослеть, и устыдиться своих «исторических деяний». При этом лично меня не устраивают возможные ссылки на политическую целесообразность всего случившегося, так как они исходят из очень опасного и часто бесчеловечного практического принципа «Цель оправдывает средства».

Особое внимание в этой книге будет уделено трендовому политическому понятию «патриотизм». Честно говоря, оно мне уже надоело, потому что о нём так много сказано за последние годы, столько выдвинуто мнимых обвинений в не патриотичности, что оно потеряло своё определённое разумное значение. Поэтому я предложу новые конструктивные толкования патриотизма. А может они окажутся полезнее прежних?

Завершающей темой этой книги будет тема свободы, которая профессионально интересует меня уже более 10 лет, и побуждает к новым исследованиям. В ней будут предложены доказательства фундаментального практического принципа – «Несмотря ни на что – человек свободен». Насколько они оказались убедительными, – судить читателю.

Заранее прошу меня извинить за возможную неясность или некорректность некоторых высказываний, ведь философу подчас трудно выбраться из своих самоочевидных рационально-логических конструкций и сделать их общепонятными. Но для этого и существует живое, непосредственное общение, которое позволяет устранить недопонимания, недо-разумения, и оно вполне возможно на моём сайте [битая ссылка] www.sofia-pnz.ru, где каждый может сказать всё, что считает нужным, важным и спросить то, что вызывает сомнения.

Да, я почти ушёл от темы политики, но возвращаться к ней заставляет сама жизнь, вернее, разумное отношение к своей жизни и к жизни нашего общества необходимо подводит к вопросам о разумности государственного законодательства, эффективности управления и справедливости распределения общественных благ. Эти вопросы всё острее звучат на фоне резкого обнищания россиян и усиления военно-патриотической пропаганды.

– *С кем воевать-то придётся?* – потихоньку спрашивают многие россияне.

– *Куда скажут – туда и пойдёте...* – доносится из высоких московских кабинетов до ближайших и удалённых провинций.

Да, привычка – это сильная и очень упёртая штука, но и её можно менять, тем более, когда речь идёт о привычке господствовать и повиноваться. Нужно ли отказываться от привычек, которые стали бесполезными и даже вредными? По-моему, нужно. Но это каждый человек решает для себя. Практическая философия лишь помогает увидеть наши «привычки» (стереотипы), и предлагает их «взвесить на весах собственного разума», и сделать собственные выводы.

Пожалуй, что это может каждый думающий человек. А значит, практическая философия открыта всем здравомыслящим людям, так же как и открыт путь в политику.

5 июля 2016 года,
Пенза

Глава 1. Русская классическая литература как нравственно-политическая философия

Как недавно заметил современный российский историк и общественный деятель Вячеслав Никонов, интеллигенция в России всегда была против власти, критиковала её и при этом была далека от народа¹. Он утверждает: «Чувство отчуждения от власти и собственности, давление жизненных обстоятельств и цензурных ограничений, отсутствие демократической и наличие критической интеллектуальной традиции придавало интеллигенции антигосударственный характер и радикализм»².

Современный историк не стремится обстоятельно объяснить такие критические и радикальные настроения русской интеллигенции. А зачем? Ведь тогда придётся углубляться в природу российской власти, и оценивать её деяния по неким разумным критериям, и как бы из этого анализа не вышло чего-нибудь...

Но философ не может на этом успокоиться, ему нужно докопаться до сути, до главных причин. Так, почему же русская интеллигенция, т.е. умнейшие люди России были против деспотической власти, и хотели её изменения? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к самым известным классикам, мыслителям, авторитет которых лишь прибавляется от века к веку.

Начнём с Александра Радищева – одного из первых российских просветителей и революционеров, настоящего русского интеллигента. Почему же этот выходец из богатейшего дворянского рода публично возмутился против верховной власти?

¹ См.: Никонов В. А. Современный мир и его истоки. – М., 2015. – С. 381—382.

² Там же. С. 381.

§1.1. Ода «Вольность» Александра Радищева и её современная философская реконструкция

*«История – это политика,
опрокинутая в прошлое»*

М. Н. Покровский (1928)³

Каждая новая эпоха правления в России заставляет по-новому смотреть на прошлое и переоценивать многие значимые события и их героев. Ярким примером может служить личность и творчество нашего земляка – Александра Радищева.

Так, для Екатерины II после опубликования своего известного «Путешествия» Радищев стал злейшим государственным преступником, а для её сына, Павла I – демократическим, прогрессивным деятелем, которого он досрочно освободили из ссылки. На протяжении всего XIX века Радищев считался российскими властями опасным революционным демократом, сочинения которого были под запретом. При Советской власти он стал культовой фигурой революционно-освободительного движения, символом свободомыслия и русского Просвещения.

В начале XXI века, в постсоветской России имя Александра Радищева находится в некотором полужабытии, также как и имена Белинского, Герцена, Бакунина, позднего Толстого. По моему мнению, Радищев «ждёт» новых оценок, которые могут быть помещены в такой условный диапазон: *от экстремизма до подлинного демократизма*. Для проведения такого оценивания я хотел бы использовать программное и многим известное по названию сочинение Радищева – оду «Вольность».

Перечитывая оду «Вольность», я был поражён её титаническим пафосом, напоминающим титанизм эпохи Возрождения. Не менее поразительна и глубокая проницательность русского мыслителя. У меня сложилось впечатление, что Радищев обращается не к своим современникам, и даже не к нам – людям постсоветского времени, а к россиянам XXII века. В его мыслях столько надежды на лучшее, столько энергии свободы, что они легко пронзают толщину веков и светятся тем внутренним светом разума, который не имеет границ в пространстве и времени. И в XXI веке эти мысли сохраняют мощный «свет разума», и от того не перестают нас удивлять.

Мне хотелось бы поделиться с читателями теми «мыслями» -идеями, которые я увидел в оде «Вольность». По моему мнению, последовательность этих «мыслей» имеет завершённую логическую структуру и, в целом, задаёт смысловое поле практической философии Радищева.

Мысль первая – обвинение. Суть обвинения: *царей-тиранов ждёт божий суд на земле, и это будет страшный, кровавый суд народа, веками ждавшего отмщения за своё рабство.*

Эта мысль сильно напугала Екатерину Великую, и на протяжении всего XIX века пугала российское самодержавие. Этот судебный процесс над тиранами детально описан в строфах 15—22. В итоге приговор:

«Единой смерти за то мало,

³ В качестве эпиграфа мною не случайно взяты слова известного советского партийного деятеля и идеолога Н. М. Покровского, которые выражают назначение официальной истории в России – *оправдывать существующий политический режим*. Отношение к Радищеву является очень показательным, своего рода лакмусовой бумагой, позволяющий увидеть степень общественной и личной свободы. Как только политическая власть начинает бояться «вольности» Радищева, причислять его к государственным преступникам или экстремистам – значит, в стране усиливается деспотизм, и военно-полицейское государство начинает лихорадочно искать внутренних врагов. Поскольку Радищев на сегодняшний день не запрещён, можно сделать вывод, что со свободой в России не так всё плохо, как может кому-то показаться.

Умри! Умри же ты сто крат!» (22 строфа).

От такого приговора, наверное, вздрагивают не только живущие, но и души умерших тиранов.

Мысль вторая – пояснение. *Каждый человек предназначен жить по своей воле в согласии с другими людьми по закону истины и справедливости, запечатлённому в его разуме* (строфа 2, 3). Здесь явно просматривается приверженность Радищева к теории естественного права и общественного договора, которые он усвоил во время учёбы в Германии.

«Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой – воля есть моя» (строфа 2).

И далее:

«Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон» (строфа 3).

Республиканский идеал общественного устройства предполагает добровольное согласование личных и общественных интересов. Этот идеал вдохновлял Радищева, давал ему мужество, ослаблял своекорыстие и благоразумие, требовал «лезть на рожон» против всей деспотической «властной вертикали».

Третья мысль – разоблачение. *Россия остаётся страной рабов и господ, потому что государственная власть и церковь «союзно общество гнетут»: власть деспотически подавляет волю подданных, а церковь – сковывает и затуманивает разум* (строфа 10):

«Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, – рекут».

Радищев ясно видит все страшные последствия общественного рабства в виде лени, апатии, зависти, коварства и всеобщего страха (строфа 11).

Мысль четвёртая – очищение. *Народное возмущение против рабства (революция) есть божий промысел, который должен очистить осквернённую истину и справедливость от обмана и насилия, ибо у порабождённых народов есть высшее право на отмщение царям* (строфа 13—15). Он пишет:

«Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя» (строфа 14).

Радищев имеет в виду не только политическую революцию, не менее важной он считает революцию в устроении, в вере, изменение в духовной власти, т. е. Реформацию, подобную той, что совершил М. Лютер в Европе:

«Подъял луч Лютер просвещения,
С землею небо помирил» (строфа 26).

Новая Реформация должна очистить религиозную веру от обмана и заблуждений, и привести к подлинному гуманизму на земле, к признанию достоинства и величия каждого человека, а не только избранных. Требуя Реформации в русском православии, Радищев затронул очень болезненную тему, которая до сих пор пугает российское общество. Жизнь и учение Льва Толстого – яркий тому пример.

Мысль пятая – предсказание. Пожалуй, это самая «страшная» мысль русского прощателя: *Необъятная деспотическая империя распадется на отдельные части, и «возникнут малые светила», самостоятельные республики, в которых не будет духовного обмана и государственного насилия:*

«Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег —
Возникнут малые светила» (строфа 51).

Он объясняет неизбежность этого распада тем, что чем дальше подвластная территория от своего центра, тем слабее внутренняя связь частей, и тем больше беспорядка на местах:

«Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз» (строфа 49).

Труден и тернист этот путь, по словам мыслителя, но таков закон природы: всё живое тянется к «вольности», а люди особенно тяготеют к праву жить по своей воле.

Мысль шестая – об идеальном обществе. *Это общество свободных и честных тружеников, самостоятельно обеспечивающих своё благоденствие, живущих в любви и в радости взаимопонимания* (строфа 32—36).

«Он любит, и любим он ею;
Труды – веселье, пот – роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедра бога, в простоте,
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцев что кормит в наготе» (строфа 33).

Такое личное, семейное счастье каждый свободный труженик, по мнению Радищева, должен быть готов защищать с оружием в руках и даже ценой собственной жизни ради того, чтобы новые поколения не оказались в рабском положении. Ведь состояние «вольности» требует больших усилий, и прежде всего разумной самостоятельности.

Итак, я обратил внимание именно на эти **6 мыслей**, потому что они, по моему мнению, не только составляют внутреннюю структуру оды, а в них заключено смысловое ядро мировоззрения великого российского просветителя, настоящего революционера духа.

Конечно, кроме этих мыслей Радищев говорит ещё о многом. Говорит не просто, местами замысловато, так что подчас приходится разгадывать его мысль за нестройными словами. Но эти усилия, на мой взгляд, могут окупиться большим удовольствием от понимания не уходящей современности и «светлости» поэтических размышлений.

230 лет назад Александр Радищев позволил себе так подумать о жизни, о назначении человека, о России и её будущем. Позволено ли так думать сейчас? Думаю, что можно, ведь мы живём в свободной стране, в которой много разумных и честных людей. Если же кто-то испугается «мыслей» Радищева, того я могу успокоить тем, что закон «вольности» не одолим.

И как бы некоторым нашим современникам не хотелось остановить этот закон, это не в их власти.

§1.2. Современный философский анализ сказки Александра Пушкина «О попе и работнике его Балде»

Будем ли мы считать Александра Сергеевича Пушкина – русским интеллигентом? Думаю, да. Значит, и у него (руководствуясь посылом современного историка В. Никонова) можно найти критику российской деспотической и тиранической власти, и не только государственной власти, но и духовной...

Так, недавно известнейшая сказка А.С.Пушкина стала предметом громкого общественного обсуждения, инициированного отдельными представителями Русской Православной церкви, которые заметили в этой сказке унижение и оскорбление своего статуса и роли в жизни российского общества⁴. Они потребовали изменить название, как это сделал Василий Жуковский в 1840 году, чтобы обойти жёсткие требования цензуры николаевской России, и вернуться к названию «Сказка о купце Кузьме Остолопе и его работнике Балде». А в связи с новым законом «О защите чувств верующих» пушкинская сказка становится очень опасным предметом исследования.

Эти обстоятельства побудило меня внимательно вдуматься в смысловое содержание сказки великого русского поэта и мыслителя, и, по возможности, научно, т.е. беспристрастно раскрыть её нравственно-политическое содержание.

Когда гениальный художник начинает задумываться над социально-политическими вопросами, он не всегда может найти и дать точные определения, понятия и представить их в строго логически связанной системе. Его художественная интуиция, сила воображения могут создать такие живые и яркие образы, которые открыты и доступны даже ребёнку, и вместе с тем содержат в себе глубокие смыслы, выражают то сущностное содержание, для постижения которого необходимо интеллектуальное усилие – философская рефлексия.

Итак, попробуем взглянуть на известную сказку Пушкина «О попе и работнике его Балде» философски. Она была написана в сентябре 1830 года, в ту самую Болдинскую осень, когда у Пушкина был мощный творческий и жизненный подъём, он готовился к свадьбе с Натальей Гончаровой, завершал работу над «Евгением Онегиным» и много писал.

Перед написанием своего цикла сказок Пушкин вёл активную переписку со своим другом и духовным наставником Петром Чаадаевым, связанную с осмыслением прошлого, настоящего и будущего России. В тот период П. Я. Чаадаев активно работал над своими «Философическими письмами», и был очень критично настроен по отношению к политическому режиму николаевской России⁵.

Чаадаев писал в письме Пушкину в марте-апреле 1829 года: «Мое самое ревностное желание, друг мой, – видеть вас посвященным в тайны века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает мне идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз,

⁴ Безруков А. Скандал? Сенсация? Нет – событие! (по поводу переиздания одной сказки) // Режим доступа/ [битая ссылка] <http://www.hrono.ru/proekty/parus/bezr0411.php>; Малер А. Сказка о попе, купце и скандалисте Балде // Режим доступа / [битая ссылка] http://www.katehon.ru/html/top/analitika/skazka_o_pope_kupce_i_balde.html

⁵ Из письма Пушкина Чаадаеву от 19 октября 1836 г. // Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2 М., «Художественная литература», 1982. «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передавали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли ваша статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать». А через три месяца поэт был убит на дуэли.

когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой. Представьте же себе, какой славы можете добиться вы. Обратитесь с призывом к небу, – оно откликнется»⁶.

Мы можем предположить, что в своём «сказочном» творчестве Пушкин последовал совету друга, «углубился в самого себя» и создал удивительно точные образы-символы российской жизни, которые до сих пор нуждаются в неторопливой и внимательной расшифровке.

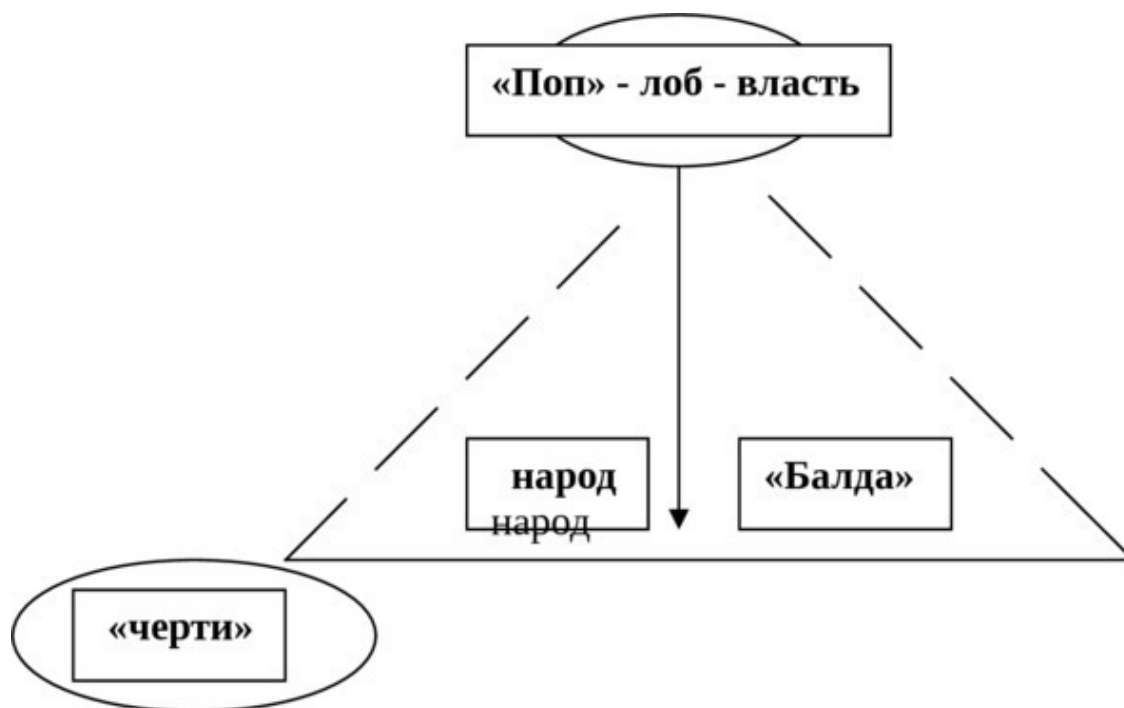
По моему мнению, в сказке «О попе и о работнике его Балде» великий русский поэт смог показать фундаментальное противоречие традиционной России – это противоречие между деспотической властью и бесправным народом. Решение этого противоречия продолжается уже несколько столетий, начиная с эпохи Ивана Грозного, и пока ещё не завершено. Поэтому смысловое содержание сказки является очень актуальным для современного российского общества, и более того, сказка становится настоящим морально-политическим памфлетом, который бросает вызов современным авторитарным властителям, злоупотребляющим своим положением, в том числе и некоторым представителям православной церкви, извращающим учение Христа.

В самом начале сказки Пушкин задаёт структуру русского традиционного сознания, которая, прежде всего, определяется так называемой «властной вертикалью». В этой структуре «поп» – «толоконный лоб» символизирует государственную и духовную власть («глава» – голова, «батька»), а батрак «Балда» – «идет, сам не зная куда» символизирует русский народ (большой, наивный, несамостоятельный, ведь без головы ходит). Таким образом, в сказке ясно просматривается архетипическое традиционное отношение между властью и народом. Абсолютная деспотическая власть (как источник принуждения) чётко противопоставлена подвластному народу, той самой родовой горизонтали, которая соединяет в себе род-народ-природу, т.е. биосферу русской земли.

По сказке попу нужен хороший и почти бесплатный работник («А где мне найти такого служителя не слишком дорогого?»). Точнее, нужен ему «служитель», который бы трудился не за страх, не за деньги, а за совесть. Балда соглашается служить «славно, усердно и очень исправно, в год за три шелка тебе по лбу».

Что скажешь про Балду? – «дурачина – простофиля». Какой же нормальный мужик будет работать целый год за «варенную полбу» и «за три шелка по лбу»? Но не спроста Балда договорился с попом на таких условиях: «Щелк шелку ведь розь!». Это уже будет не зарплата, а расплата, а в морально-историческом смысле – это будет **возмездие или восстановление справедливости**.

⁶ П. Я. Чаадаев – Пушкину. Март—апрель 1829 г. Москва // Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2 М., «Художественная литература», 1982. // [битая ссылка] http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0040.shtml

См. Схема властных отношений в сказке «О попе...» [3, 50—59.]

Приближается срок расплаты, а у попа «лоб заранее трещит», и придумывает он со своей попадѣй для Балды такую службу, «чтоб стало ему невмочь» «исполнить ее точь-в-точь». А служба та – собрать с чертей оброк за три года. В николаевской России немногие могли позволить себе такое вольнодумство и святотатство по отношению к Церкви. Хотя сама сказочная форма (раечно-басенная) это удачно скрывала. Ведь представьте себе: священнику платят оброк даже черти, не говоря уже о других сословиях.

По моему мнению, «черти» в этой сказке – это представители торгового сословия – купцы, зажиточные и бережливые торговцы, с которых оброка не допросишься, хитроумные и ловкие в денежных делах. В народном сознании они как «черти». Не случайно они вылезают из воды, ведь море, река всегда были основными торговыми путями. При этом купцы привыкли договариваться с любой властью, даже несправедливой. Ведь не было за ними никакого долга, иначе поп не послал бы Балду за оброком. Но раз пришѐл Балда от имени власти, значит нужно договариваться. Тем более что старый бес уже знал Балду и решил его перехитрить.

Молодой чертѐнок уполномочен заключить договор: «Ну, так и быть, – возьми, да с уговору, с общего нашего приговору – чтоб впредь не было никому горя». Но Балда – не простак, умеет слукавить и применить народную смекалку. Более того, он представитель всей родовой горизонтали. За ним род-народ-природа, а потому и заяц – это его младший брат: «Братец мой любимый, устал, бедняжка! Отдохни родимый».

Во всех состязаниях (обежать вокруг моря, забросить дальше палку и пронести кобылу) побеждает Балда, но не силой ног и рук, а силой своего ума. Ведь «черти» уже в качестве представителей иного, сверхъестественного мира сильнее людей, и Балда проиграл бы чертѐнку, но черти не законно находятся на этой земле (они вылезают из моря), а потому перехитрить их можно ради высшей справедливости, но не ради личной корысти.

После таких побед черти собрали полный оброк, «да на Балду взвалили мешок». Был бы Балда похитрее, взял бы и убежал с мешком золота, но он честный человек и службу свою должен выполнить исправно.

Наступило время расплаты:

«С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика»

Итак, возмездие совершилось. Жадная и несправедливая «голова» оторвалась от народного тела. Родовая горизонталь освободилась от гнёта деспотической власти.

Могу предположить, что впервые это произошло в начале 20 века в ходе трёх русских революций. Аналогия с тремя щелками может быть уместной, ведь об этом мучительно размышляли Радищев, декабристы, Пушкин, Чаадаев, Лермонтов («Предсказание», написанное в том же 1830 году) и многие другие мыслящие люди, и не просто размышляли, а осознанно отдавали свои жизни за будущую свободную Россию.

Из этой сказки А.С.Пушкина мы можем вывести замечательное, мудрое наставление и детям, и взрослым – *жить честно и справедливо, и тогда всем будет хорошо.*

§1.3. О нравственно-политическом завещании М. Ю. Лермонтова. Современная философская реконструкция стихотворения «Родина»

Наследие великих классиков помогает заново открывать утерянные смыслы и забытые горизонты понимания, что особенно важно в переходные, запутанные периоды жизни общества, когда требуется взглянуть на происходящее со стороны, как бы не своими глазами, и увидеть просвет в будущее.

Наследие великого поэта – это особый дар будущим поколениям, который принадлежит каждому читателю.

Хотел было логично перейти к общей характеристике поэтического наследия М.Ю.Лермонтова, но решил остановиться... Требуется учесть очень много конкретики о всей его поэзии, которой я не владею. Поэтому не буду вводить в заблуждение ни себя, ни других, да и не хорошо «отбирать хлеб» у коллег-филологов и историков литературы.

Как философ, остановлю свой взгляд на одном из последних стихотворений, в котором, по моему мнению, поэт высказал своё нравственно-политическое завещание. Я предлагаю такую гипотезу, за которой будет стоять новая философская расшифровка лермонтовской «Родины».

Воспользуюсь своим правом на дар великого поэта, и с точки зрения философии предложу свою реконструкцию известного стихотворения «Родина». Чтобы «раскрыть» этот подарок поэта, предлагаю обратить внимание на ключевой вопрос: **почему Лермонтов поменял его название с «Отчизны» на «Родину»?** В лермонтоведении достоверно известно, что эта перемена произошла в феврале-марте 1841 года, перед опубликованием в 4 номере журнала «Отечественные записки»⁷. Так, уже 13 марта 1841 года В. Белинский писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ – то, аллах керим, что за вещь – пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских»⁸. Значит, Белинский одним из первых узнал новое название этой «вещи», хотя во всех рукописях, и даже в беловом автографе, стихотворение называется «Отчизна».

Неужели замена названия «Отчизна» на синонимическую «Родину» настолько принципиальна, что на неё нужно обращать внимание? По моему мнению, да. Это был результат существенной перемены в умонастроении поэта. Как отмечают исследователи его творчества, Лермонтов уезжал в начале апреля 1841 года из Петербурга на Кавказ с «дурным предчувствием». По сути, он был выдворен из столицы по предписанию царя в 48 часов, и, как отмечают многие исследователи, его поэтическим ответом императору Николаю I стало смысловое продолжение «Родины»:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,

⁷ Андроников И. Л. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4 т. Т.1. Стихотворения. 1828—1841. – М.: Художественная литература, 1975. С. 543.

⁸ Белинский В. Г. Письма / Редакция и примечания Е. А. Ляцкого. – СПб., 1914. – Т. 2. – С. 227.

От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Именно так отчётливо он стал видеть «отчизну» – страшную, беспощадную систему насилия, обмана и холопства – государство российское николаевской эпохи, – систему, в которой он оказался слишком злой, кусачей, опасной «собакой». Но чтобы остаться честным человеком, не стать лжецом и подлецом, нужно с большой осторожностью говорить о любви к такой «отчизне».

Итак, что же произошло в феврале – марте 1841 года с Лермонтовым в Петербурге во время его краткосрочного военного отпуска? Попробую обобщить имеющиеся факты:

1. Несмотря на настойчивые ходатайства военного руководства, император Николай I отказал поручику Лермонтову в награде за храбрость, проявленную на кавказской войне.

2. Лермонтов очень хотел уйти в отставку с воинской службы, но могущественная бабушка Е. А. Арсеньева не захотела ему помочь.

3. В очень плохом состоянии здоровья поручик Лермонтов был вынужден по приказу вернуться на кавказскую войну с предчувствием скорой смерти.

Именно в это время поэт продумывал своё стихотворение, поэтому можно предположить, что перед публикацией стихотворения, Лермонтов глубже вдумался в понятие «Отчизны», и обнаружил в нём один из исконных корней – «отчим», т.е. неродной отец. На этот корень указывает Владимир Даль в своём толковом словаре⁹. Таким «неродным отцом» – средоточием российской властной вертикали – для гениального поэта оказался царь Николай I.

Говоря об «отчизне», Лермонтов отчётливо сознаёт неродной ему характер российской власти, той казарменной николаевской системы, которую он начал бесстрашно обличать в своём «Предсказании» (1830), а затем, после смерти Пушкина, в «Смерти поэта» (1837). Только жестокая «отчизна» могла отозваться о смерти гениального наследника Пушкина: «Собаке – собачья смерть». Но если для казарменной деспотической России великий поэт стал «собакой», то и казарменная отчизна перестала быть для него «родной» (Родиной), стала той «отчизной», которую судят трезво и неумолимо, без лишних эмоций.

Пожалуй, что уже после убийства А. Пушкина у М. Лермонтова начались открытые боления с «отчизной», а после первой и в ходе второй ссылки на Кавказ, они только усиливались, и дошли до апогея в «Родине» и «Прощай, немытая Россия!».

Как отмечают исследователи творчества поэта (например, У. Фохт, В. Мануйлов, Э. Найдич и др.), стихотворение «Родина» было ответом на «ура-патриотический» поэтический панегирик русского славянофила Алексея Хомякова под названием «России»¹⁰. Восторгаясь детской наивностью и смиренностью русского народа, Хомяков заканчивает своё стихотворение высокопарным слогом о России:

«И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный вышнего покров!» (1839).

Для лермонтовского холодного рассудка такая высокопарность была пустым мечтательством, наивной верой в светлое будущее. Трезвый и аналитичный рассудок поэта не мог не видеть жестокой и бесчеловечной реальности, а тем более, когда он испытал её на себе, когда

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. А. И. Бодуэна Куртене. – СПб.-М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1905. – Т. II. – С. 997.

¹⁰ Мануйлов В. А. Родина // Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 470.

«родная отеческая» власть по своей прихоти распорядилась его жизнью. Конечно, Лермонтов не мог смириться с таким «отеческим» отношением, и вступил в интеллектуальное и моральное боре́ние с казарменной системой.

Теперь мы можем ясно увидеть это боре́ние поэта с «отчизной» и её слугами в первых строках его «Родины»:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

Обычно исследователи заостряют внимание на «странной любви» поэта к своей отчизне, и в качестве пояснения этой странности приводят вторую строку: «Не победит ее рассудок мой». Эта строка привычно понимается в том смысле, что «мой рассудок» (лермонтовский) не может победить «ее» (любовь к отчизне). И из этого следует, что, *несмотря на рассудочное нежелание любить и ценить свою отчизну, поэт всё же не в силах подавить в себе глубинное чувство привязанности и симпатии к ней.*

Мало кто обращает внимание на то, что вторая часть стихотворения начинается с противопоставления «Но я люблю...», которое предполагает рассудочное суждение – «хотя и должен ненавидеть». Это противопоставление будет более понятным и логичным, если мы вернёмся ко второй строке стихотворения, и попробуем увидеть в ней иной смысл: «Не победит **её рассудок мой**» – (выделено и курсив А.М.).

О чьей победе идёт речь? Кого над кем?

1. Лермонтовского рассудка над любовью к отчизне?

2. Или «её рассудка» («отчизны») над «моим», т.е. лермонтовским? Мы вполне можем допустить правильность и первого, и второго толкования. При этом второй вариант позволяет глубже увидеть лермонтовское различие «Отчизны» и «Родины». Это различие будет характерным для образованных и самостоятельно мыслящих людей в России, т.е. для той самой «интеллигенции», у которой часто складывается «странная» любовь к отчизне. Это действительно «странная любовь»: вовсе не слепое чувство привязанности к родному месту, и не бессознательное (неразборчивое) влечение ко всему русскому, российскому, как это бывает. Но об этом чуть позже.

Итак, мы вправе допустить, что во второй строке стихотворения Лермонтов говорит о борьбе «рассудков»: его собственного («мой») и какого-то другого («её рассудок»), внешнего, общего или «отеческого рассудка», который обычно побеждает индивидуальный рассудок.

Вышестоящий, властный «отеческий рассудок» требует к себе верноподданной любви Лермонтова, т.е. добровольного признания превосходства или «победы», и при этом не представляет весомых, убедительных аргументов о том, почему я должен признать это превосходство, а тем более «победу» над собой? Почему я должен признать свою зависимость от «внешнего рассудка», т.е. от чужого ума?

Скрытый в первой части стихотворения вопрос «почему?» является самым опасным средством в такого рода интеллектуально-моральном противоборстве. Гордый поэт вовсе не хочет отказываться от своего «рассудка» и его доводов, т.е. от своей личной позиции, потому что он видит слабость аргументов «свыше»:

«Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,

Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья».

Итак, «слава, купленная кровью» тысяч и миллионов простых людей не впечатляет поэта. Почему? Великие, громкие победы прошлого, в том числе и недавняя для Лермонтова победа над Наполеоном, – блекнут на фоне унижительного, рабского положения «народа-победителя». Этой славой пользуются лишь немногие избранные, прикрывая своё *особое превосходство* над послушным большинством. Рассудок поэта не приемлет такого унижительного положения и позёрства.

К тому же «полный гордого доверия покой», вековая детская боязнь «раскачивать лодку» и что-то менять в государстве, по существу, просто смешна, тем более, когда она лживо прикрывается отеческой заботой обо всём народе, благополучии всех подданных. Желанный «отеческий покой» неизбежно ведёт к умерщвлению всего «беспокойного», оригинального, творческого и самостоятельного, что собственно и происходило в николаевской России. Высказать правду в такой системе – значит, «бунтовать». А как же честному человеку, смелому офицеру и поэту-публицисту не писать, не говорить того, что он думает, чувствует, что понимает в этой жизни? Для слабых людей выбор не велик: или смиренно молчать, или обманывать себя и других. В обоих случаях личность будет унижена, подавлена, а достоинство потеряно. Для Лермонтова – это было не приемлемо.

И даже «старины заветные преданья», которые были близки поэту, – не порождают у него радостного восхищения, не дают отрады пытливому рассудку. Почему? По моему мнению, на фоне мрачного исторического прошлого России поэт хотел бы видеть более светлое настоящее, которое бы приближалось к идеалу («мечтаниям»), а не отдалялось бы от него. Гордиться прошлым хорошо и уместно тогда, когда оно стало основанием для лучшей жизни. Когда же в настоящем сплошная имитация, типа у нас – «тишь, гладь, да божья благодать», то высокие мечты испаряются как утренний туман, воля парализуется, рассудок деревенеет до состояния «ать, два, три» и постепенно сливается с общим казённым «отеческим порядком».

Теперь нам очевидно, что «отеческий рассудок» выражает именно деспотическую вертикаль власти, которая нацелена на принуждение конкретного лица к рабскому подчинению своим требованиям («порядку»). Лермонтов художественно точно показал, что когда личный рассудок человека выходит из-под такой «отеческой» опеки и начинает мыслить самостоятельно, по-своему оценивать действительность, то его отношение к окружающему миру становится внутренне противоречивым, так как личность начинает раздваиваться между *эмоциональной* любовью к «Родине» и *рассудочной* нелюбовью к «Отчизне».

Это усложнённое понимание российской общественной жизни начинается среди интеллектуалов ещё в конце XVIII – начале XIX века. Например, Николай Карамзин в своей статье «О любви к отечеству и народной гордости» (1802 г.) говорит о трёх видах любви к отечеству: физической, моральной и политической¹¹. С моей точки зрения, первая и вторая из них являются именно «любовью к родине», т.е. естественной привязанностью к родной природе, близким людям, родному языку, обычаям и нравам. А третья – *политическая любовь* – будет представлять собой не что иное, как **уважение** к государственному порядку, «отчизне» -отечеству. Карамзин обосновывает необходимость политической любви к отчизне с помощью рационально-прагматического аргумента: «Мы должны любить пользу отечества, ибо с нею неразрывно связана наша собственная» польза, «любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству» [4, с. 282.]. Таким образом, у Карамзина мы находим уже не патерна-

¹¹ Карамзин Н. О любви к отечеству и народной гордости // Избранные сочинения в двух томах. – М.-Л.: Художественная литература, 1964. – Т.2. – С. 280–287. [Электронный ресурс]. URL: [битая ссылка] http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/03publicity/70.htm (дата обращения: 20.09.2014.).

листскую позицию слепого подчинения государственной власти и безрассудного патриотизма, а сознательное, добровольное признание полезности такого государства («отечества»), которое уважает и поддерживает личное благо и личное счастье своих граждан. Именно о таком добровольном и рассудочном патриотизме мечтал и Лермонтов, но реально испытывал лишь естественную любовь-привязанность к своей родине.

Поэт, лишённый иллюзий верноподданнической любви, судит свою «отчизну» разборчиво, придирчиво, не давая себя ввести в заблуждение, и не желая оказаться «в дураках». Как живой человек, он хочет любить, но как мыслящая личность, он не может любить всё подряд. Его рассудочная избирательность требует самому судить обо всём: о былом, о настоящем и желанном будущем. А для этого нужно много знать и уметь сравнивать «свои» достижения, удачи, поражения и слабости с историями других людей и народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.